

**ИСКУССТВО ПРОПОВЕДНИЧЕСТВА: УЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ
В КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ И ПРАВОСЛАВНЫХ КОЛЛЕГИУМАХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

Статья посвящена изучению места проповеди в учебном процессе в Киево-Могилянской академии, Черниговском, Харьковском и Переяславском коллегиумах во второй половине XVIII в. Автор реконструирует содержание и методы обучения проповедничеству. Важной чертой «школьной» проповеди в Киево-Могилянской академии и православных коллегиумах в этот период было наличие в ней признаков влияния науки Нового времени. Специфика «школьной» проповеди обусловлена ее дидактическим характером. Развитие «школьной» проповеди стало важной вехой на пути выработки методики «массовой» подготовки проповедников в Российской империи.

Ключевые слова: проповедь, гомилетика, богословие, духовное образование, Российская империя XVIII века, Киево-Могилянская академия, православный коллегиум

История проповеди в пространстве Восточной Европы так или иначе привлекала внимание исследователей, но особый интерес вызывали трансформации, происходившие в проповеднической культуре в XVII–XVIII вв. Утверждение проповеди в великорусском церковном обиходе и наиболее распространенные риторические стратегии исследователи единодушно связывают с учеными-монахами, выходцами из Украины¹. Действительно, на украинских землях, в силу сложившихся исторических условий, раньше сформировались устойчивые традиции проповедничества, в т.ч. основы «школьной проповеди»². Хотя историки, филологи, культурологи, философы и богословы довольно часто оперируют терминами «школьная»/ученая/семинарская проповедь, сам феномен «школьной» проповеди не стал объектом специального внимания. Некоторые аспекты преподавания гомилетики в Киево-Могилянской академии затронул Н.И. Петров³, но «школьные риторик», в которых речь шла и о проповеди, попадали в поле зрения ученых, которых интересовали прежде всего вопросы, связанные с литературным процессом, историей словесности, особенностями барочного проповедничества⁴. Большое внимание уделяли проповедям Иоанникия Галятовского, Лазаря Барановича, Димитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Гedeона Криновского, Симона Тодорского, Платона Левшина (этот ряд можно продолжить именами многих церковных деятелей), упоминая и о полученном ими образовании⁵. Различие дисциплинарных подходов и широкий диапазон задач привели к тому, что авторы вкладывают в термин «школьная проповедь» различающиеся смыслы,

¹ Матвеев 2009: 44–45.

² См.: Терновский 1869; Frick 1997; Корзо 1999.

³ Петров 1866: 86–124.

⁴ Маслюк 1983: 6–7, 23; Кагарлицкий 2000: 245; Ісиченко 2006; Броджі Беркофф 2008.

⁵ Самарин 1844; Parmehl 1983; Shevelov 1985; Зубов 2001; Федотова 2001; Wirtschafter 2013; Матушек 2013; Яковенко 2017; и др.

трактуя ее как культурный язык и как жанр, как часть учебного курса риторики, обеспечивавшего общую ораторскую подготовку; как предикту, адресованную ученикам в храме при семинарии («семинарская проповедь»). При этом заметим, что такие близкие понятия, как «школьная поэтика», «школьная риторика», «школьная философия» и «школьное богословие» уже обрели достаточно четкие толкования.

Рассматривая «школьную» проповедь как дидактическую проблему, сосредоточим внимание на определении ее места в учебном процессе в Киево-Могилянской академии и православных коллегиумах Украины, на реконструкции того, как преподаватели отвечали на вопросы чему и как учить. Обучение искусству проповеди приобретает четкие черты системы и регламентации именно во второй половине XVIII века. Впрочем, следует отметить, что и в целом этот период оценивается как новая эпоха в истории проповеди⁶. В литературе уже прозвучали суждения, что «ученая проповедь» этого периода являлась жанром с общекультурным масштабом влияния, что она была инновацией переходной эпохи, призванной решать задачи трансформирующейся культуры, и служила становлению нового культурного сознания⁷. С учетом этого, выявление специфики «школьной» проповеди позволит по-новому посмотреть на ряд аспектов интеллектуальной культуры этого периода.

Данное исследование опирается на делопроизводственную документацию Киево-Могилянской академии и коллегиумов (учебные инструкции, распоряжения, отчеты преподавателей), а также на личные записки и конспекты преподавателей и студентов. Большинство этих источников не опубликованы и впервые вводятся в научный оборот, а другие, хотя и были опубликованы в XIX в., не изучались.

Выбор в качестве объекта исследования «школьной» проповеди именно Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегиумов (возникли соответственно в 1615, 1700, 1726, 1738 гг.)⁸ обусловлено тем, что на украинских землях благодаря этим учебным заведениям сложился тип проповедника (ученый монах, владеющий инструментарием школьного красноречия и применяющий этот инструментарий для составления проповедей⁹), который стал образцом для проповедников Российской империи. В этих школах училось немало выдающихся церковных ораторов, чья деятельность проходила как в столичных городах, так и в отдаленных уголках Российской империи. Поскольку традиции проповедничества на украинских землях длительное время складывались и развивались в социально-культурных условиях Речи Посполитой¹⁰, внимание будет сосредото-

⁶ Матвеев 2009: 49–50.

⁷ Кагарлицкий 2000: 249–250.

⁸ Историография Киево-Могилянской академии насчитывает сотни работ, назовем некоторые, имеющие значение в связи с темой статьи: Ševčenko 1984; Sysin 1984; Sharipova 2006; Яковенко 2017. О православных коллегиумах см.: Посохова 2016.

⁹ Кагарлицкий 2000: 245.

¹⁰ Об особенностях проповедничества в XVII в. см.: Матушек 2013; Яковенко 2017.

чено на названных коллегиумах и Киевской академии. Процесс становления преподавания «школьной» проповеди в Московской славяно-греко-латинской академии и духовных семинариях Российской империи указанного периода требует специального исследования.

На протяжении XVIII века и вплоть до реформы духовных учебных заведений в 1808 г., направленной на профессионализацию духовного образования и унификацию духовных школ, Черниговский, Харьковский, Переяславский коллегиумы¹¹ и Киевская академия сохраняли своеобразие образовательной модели. Основанная на т.н. «латинской учености», она являлась сплавом западноевропейской и восточнославянской культурных традиций¹². В академии и коллегиумах были восприняты образовательные традиции и основные методы обучения гуманистических школ Европы, прежде всего – иезуитских коллегиумов. Это нашло отражение в содержании учебных дисциплин и дидактических приемах преподавания. Ориентация на программу «Ratio Studiorum» (не декларируемая, а фактическая) стала важной характеристикой православных коллегиумов, равно как и переплетение образовательных задач с целями религиозно-нравственного воспитания. Безусловно, специфика воспитания и обучения в православных коллегиумах изначально определялась тем, что на восточнославянских землях превалировали традиции и догматы православной церкви. Не менее значимой чертой этих школ был всесословный состав учеников. Для представителей всех сословий, включая духовенство, после обучения сохранялась возможность выхода на светскую службу или продолжения учебы в светском учебном заведении. Эти характеристики отличали коллегиумы от духовных семинарий и академий Российской империи в течение всего XVIII века.

Учебный курс Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского, Переяславского коллегиумов включал четыре грамматических класса, а также классы поэтики, риторики, философии и богословия. Все вопросы, связанные с проповедью, изучались в курсах риторики и богословия, которые в этот период в данных учебных заведениях не ставили цели сообщать новые знания¹³. Историки культуры, литературы, философии, не занимаясь «школьными» вопросами специально, не учитывают состояние учебного заведения, наличие учебного курса в программе, учебных книг, возраст слушателей и т.п. Более обоснованным выглядит стремление начать разговор о типах проповеди: придворной, семинарской и приходской¹⁴. С этих позиций представляется возможным выявить характерные черты каждого из типов проповеди, учесть разные сценарии их становления и последующие траектории развития.

Вопросы, относящиеся к проповеди и ее видам в интересующих нас учебных заведениях, появлялись в курсе риторики, который можно

¹¹ В документации Синода коллегиумы нередко именовались «академиями».

¹² Посохова 2016: 435–436.

¹³ Суториус 2018: 7; Ткачук 2002: 65.

¹⁴ Kislova 2014: 177.

назвать концентрированным выражением сущности гуманистической школы. Известно, что в XVII–XVIII вв. риторичность характеризовала и философский, и религиозный, и политический дискурсы, все мышление было подчинено риторическим схемам и моделям¹⁵. Выявляя особенности «школьной проповеди», следует помнить, что курс риторики в гуманистических школах выполнял прежде всего задачи знакомства учеников с классическими языками, развития их личных качеств и умственных способностей. В рамках курса владение латинским языком должно было подняться на такой уровень, чтобы ученик мог самостоятельно сочинять тексты и речи. Ученики упражнялись в составлении речей, приветствий, панегириков, писем, ориентируясь на образцы, предложенные в пособиях. Общая риторика трактовала приемы изобретения ораторских доказательств на примерах различных историй, притч, сентенций. Так составлялись риторики киевских и других коллегиумов¹⁶. В рамках курса речь шла и о гомилетических правилах, способах составления проповедей. Вслед за Н.И. Петровым многие исследователи обращались к киевскому рукописному курсу риторики 1688 г. под названием «Ogator», в котором много внимания уделялось проповеди, ее родам и способам подготовки¹⁷. Однако в первой половине XVIII в. этот раздел присутствовал далеко не во всех рукописных риториках. Среди дошедших до нас практических упражнений учащихся этого класса академии и коллегиумов первой половины XVIII в. церковная проповедь почти не встречается. Примечательно распоряжение киевского митрополита Рафаила Заборовского от 2 июня 1734 г., в котором светским студентам запрещалось говорить проповеди¹⁸. Учитывая социальный состав студентов, понятно¹⁹, что небольшое число учеников составляло проповеди²⁰.

Во второй половине XVIII в. в этих школах на смену рукописным курсам пришли печатные учебные пособия по риторике: «Основы риторики» Иоганна Фридриха Бургия (Burg Johann Friedrich), руководства Габриэля Франсуа Лежая (Gabriel François Lejay), Михаила Ломоносова, Феоктиста Мочульского, которые также специально не ориентировали учащихся на составление проповедей. Эти учебные книги отражают изменения в подходах к преподаванию риторики, которое приобретает все большую прагматическую направленность²¹, что было обусловлено необходимостью научить выступать на собраниях и писать письма знат-

¹⁵ Живов 1996: 63; Сазонова 1991: 30; Лахманн 2001: 16–17.

¹⁶ Стратий, Литвинов., Андрушко 1982: 6; Посохова 2016: 139–149.

¹⁷ Петров 1866: 93–94.

¹⁸ Вишневский 1902: 256

¹⁹ О социальном составе учащихся см.: Яременко 2014; Посохова 2016.

²⁰ Так, в отчете о занятиях в классе риторики Киево-Могилянской академии в 1758–1759 учебном году составление проповеди не значится. – Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 328–329.

²¹ Во второй половине XVIII в. произошли существенные изменения статуса, направленности и содержательного наполнения как курса риторики, так и других дисциплин, изучавшихся в коллегиумах. Подробнее см.: Посохова 2010.

ным людям²². Новые пособия обозначили отход от представлений о риторике, господствовавших в гуманистической школе, и фактически становились учебниками для возникавших гимназий, где риторике придавалось значение одной из многих дисциплин гимназической программы.

Тем не менее во второй половине XVIII в. в отчетах преподавателей риторического класса академии и коллегиумов с большей регулярностью встречаем сообщения о занятиях с учащимися по созданию коротких проповедей²³. Составление проповедей в качестве обязательного элемента в обучении студентов академии и коллегиумов появлялось только на этапе высшего, богословского класса. В инструкции киевского митрополита Тимофея Щербацкого 1752 г. для Киево-Могилянской академии говорилось, что студенты класса философии не умеют составить предики, поскольку еще не учились этого делать²⁴. Очень непросто ответить на вопрос о том, с какого учебного года в богословском классе начали систематически обучать приемам составления проповеди. Документация академии и коллегиумов свидетельствует, что в 1750-е гг. эта проблема постоянно обсуждалась и принимались решения, направленные на регламентацию порядка преподавания и практических занятий со студентами по составлению проповеди. Если в 1751 г. в проекте, ориентированном на повышение уровня обучения в Киево-Могилянской академии, архидиакон Манассия Максимович с тревогой отмечал, что кандидаты на должности священников не умеют сложить предикую, то в инструкции митрополита Тимофея Щербацкого 1752 г. уже зафиксирована обязательность подготовки ежемесячной проповеди и выступления в классе для тех студентов, кто желает получить священнический сан²⁵. Безусловно, студенты приобретали такие навыки и ранее. Не случайно в первой половине XVIII в. студентов академии и коллегиумов охотно приглашали на должности проповедников. Например, в 1738 г. студентов-богословов Киево-Могилянской академии Синод приглашал в проповедники Петропавловского, Троицкого и Исаакиевского соборов Петербурга²⁶, в 1741 г. проповедником Московского Успенского собора стал студент Харьковского коллегиума Евстафий Могилянский (с аттестацией «проповеди сказывать достаточен»). Среди придворных проповедников были учителя академии и коллегиумов²⁷.

Систематическое обучение проповеди на надлежащем уровне напрямую было связано с утверждением в изучаемых учебных заведениях богословского класса²⁸. Безусловно, проповедники в Российской империи выходили из стен и других академий, прежде всего Московской славяно-греко-латинской. В 1760-е гг. в Российской империи бо-

²² Феоктист (Мочульский) 1789: 5.

²³ ЦДИАУК. Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 1265. Арк. 7зв.

²⁴ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 83.

²⁵ Там же: 44, 88.

²⁶ Там же: 445–446.

²⁷ Барсов 1874: 260, 263–266.

²⁸ Посохова 2016: 211–217.

гословие преподавали всего в восьми учебных заведениях (в т.ч. в Киевской академии и Харьковском коллегиуме), и дело сдвинулось только после того как в 1786 г. были установлены «штатные оклады»²⁹.

История становления и методы преподавания курса богословия в духовных академиях и семинариях в XVIII в. все еще остаются слабо изученными³⁰. Наиболее сложным представляется реконструкция приемов обучения составлению проповедей. Помощь могут оказать инструкции для профессоров и студентов, найденные нами личные записки (выписки) студентов, сделанные ими при подготовке проповедей, и сами тексты, а также проповеди преподавателей «учебного» характера.

Составление предики в качестве обязательного учебного занятия в богословском классе зафиксировано в ряде документов. В частности, об этом идет речь в «Инструкции» для Киево-Могилянской академии 1764 г.³¹ и «Инструкции» епископа Самуила Миславского для Харьковского коллегиума 1769 г. Согласно последнему документу, студенты-богословы должны были составлять и регулярно произносить проповеди, не менее трех раз в год (то же требование записано и в инструкции для академии). Самуил Миславский обращал внимание учителей на то, что при проверке проповедей они должны следить за их правильностью с точки зрения веры и исправлять тексты студентов с целью достижения чистоты «российского штиля»³². При этом до конца XVIII в. в академии и всех коллегиумах курс богословия продолжали изучать на латыни³³.

В учебных инструкциях содержатся дидактические указания и советы студентам, на какие образцы им нужно ориентироваться при составлении проповедей. Перечень предлагаемых книг выступает важным источником при изучении «школьной» проповеди. После проведенного анализа сокращений, восстановления неполных имен и названий, содержащихся в «Инструкции» Самуила Миславского, можно представить список работ, рекомендованных для использования студентам. Первыми названы проповеди Феофана Прокоповича, архимандрита Платона (Левшина), преосвященного Гедееона (Криновского), беседы Иоанна Златоуста, Илии Миниятия³⁴. Весьма интересна рекомендация епископа при подготовке проповедей обращаться к переведенному на русский язык и популярному в Европе произведению по всемирной истории Жака Боссюэ (Jacques-Benigne Bossuet)³⁵. Были рекомендованы несколько книг на французском и немецком языках: труды поэта и драматурга Бернара Жозефа Сорена (Bernard Joseph Saurin), известных проповедников начала XVIII в. Эспри Флешье (Esprit Flechier) и Луи Бурдалу (Louis Bourdaloue), лютеранского богослова Иоанна-Лоренца Мосгейма (Johann Lo-

²⁹ Знаменский 1881: 450, 757.

³⁰ Суториус 2018: 7.

³¹ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 3. 1906: 82.

³² Инструкция опубликована в: Лебедев 1886: 60–79.

³³ Посохова 2016: 218–219.

³⁴ Лебедев 1886: 62.

³⁵ Боссюэ 1761–1762.

renz Mosheim). Тексты тех авторов будут рекомендовать студентам составители пособий по гомилетике и в первые десятилетия XIX в.³⁶

Учебные книги, названные в этой и других инструкциях, специально закупали для библиотек академии и коллегиумов³⁷. В ходе переписки между профессором богословия Харьковского коллегиума Лаврентием Кордетом и Самуилом Миславским обсуждались итоги и планы закупки³⁸. Многие из этих книг были и в личных собраниях преподавателей, например, у профессора богословия Лаврентия Кордета³⁹. Неудивительно, что в воспоминаниях о бывшем учителе Киево-Могилянской академии и Переяславского коллегиума, впоследствии известном киевском проповеднике Иоанне Леванде, Владимир Измайлов писал, что его орации напоминали тексты французских проповедников Жака Боссюэ и Жана-Батиста Массийона (Jean-Baptiste Massillon)⁴⁰.

Хотя сохранилось чрезвычайно мало источников личного происхождения, принадлежавших студентам богословского класса, но и эти свидетельства позволяют подтвердить, что студенты делали выписки из рекомендованной им наставниками литературы. Так, в записной книжке ничем не примечательного студента богословия Харьковского коллегиума Г. Булгакова, учившегося в самом начале XIX в., встречаем немало цитат на латыни из разных богословских книг. Выдержки явно подбирались для использования в ходе диспута или подготовки проповеди, чтобы можно было сослаться на авторитетное мнение⁴¹.

При исследовании «школьной» проповеди, технологии ее подготовки, важно присмотреться и к дидактическим советам Самуила Миславского по составлению проповедей. Епископ выдвигал требование, чтобы студенты готовили «учебные» проповеди не на догматические, а прежде всего на моральные темы (о благочестии, искоренении пороков). При этом им не позволялось говорить «укорительные и язвительные речи»⁴². Архиерей запрещал учащимся в проповеди часто цитировать текст Священного Писания, а если цитата все-таки должна была прозвучать, то советовал не называть книгу, раздел, стихотворение, откуда она взята, чтобы «скуки и отвращения слушателям не сделать».

Лучшие студенты произносили проповеди не только в классе, но и в церкви академии (коллегиума) в воскресные и праздничные дни⁴³. Студенты Переяславского коллегиума проповедовали и в городском со-

³⁶ Массийон 1808; Красоты духовного красноречия... 1828.

³⁷ ЦДАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 848. Арк. 7.

³⁸ Преосвященный Самуил, епископ Белгородский...: 91.

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 67. Д. 572. Л. 13 об.; ВР ИЛ. Ф. 20. Спр. 13. Арк. 232 зв.

⁴⁰ Измайлов 1802: 169.

⁴¹ ВР ЦНБ ХНУ. Збір. Рукописів. Спр. 177/с 136.

⁴² Лебедев 1886: 62–63.

⁴³ Киево-Могилянская академия с самого начала существования имела статус Киево-Братского училищного монастыря. Харьковский коллегиум в 1729 г. также получил статус Училищного монастыря. Таким образом, ученики и преподаватели изначально имели свой училищный храм. Учащиеся Черниговского и Переяславского коллегиумов посещали службу в церквях, в непосредственной близости от зданий этих школ.

боре, и в домово́й архиерейской церкви⁴⁴. В коллегиумах на весь учебный год на весь учебный год составляли расписания проповедей учителей и студентов на воскресные и праздничные дни⁴⁵. Проповеди выступали «мерилом богословской зрелости» студентов, а в одной из академических инструкций подчеркивалось, что по предике можно судить о «плодах всего учения»⁴⁶. Именно поэтому лучшие студенческие проповеди нередко передавали для чтения архиере́ям, которые делали в них свои комментарии. На подготовку проповедей должны были влиять и катехизические беседы, появившиеся в академии и коллегиумах в конце XVIII в. Их вел один из преподавателей. Обязательные для студентов богословского класса, они проводились и на латыни, что должно было способствовать умению учащихся работать с текстами выдающихся проповедников, привлекая их для аргументации⁴⁷.

По некоторым источникам можно исследовать опыты студенческих проповедей. Сохранился перечень проповедей студентов Харьковского коллегиума 1770–1774 гг., с названиями тем (о значении веры, о недостатках неверия, об усвоении христианских добродетелей, разъяснение истин православия) и их «источников» (Притчи, Книга Премудрости Соломона, Священное Писание). Можно реконструировать технологию их подготовки: студенты сначала показывали тексты профессору, а затем, внося правку, переписывали их начисто. Студенческие проповеди отличал ярко выраженный «ученый» стиль. Они были построены по риторическим правилам, обязательно включали фразы на латыни, содержали примеры из истории (особенно античной) и были украшены, как тогда говорили, «цветами красноречия»⁴⁸. При внимательном рассмотрении этих текстов, можно увидеть стремление учеников проявить не только свою богословскую зрелость, но и общую эрудицию. Это видно по тому, как составители включали в них сведения из разных наук: физики, астрономии, географии, геометрии, механики. Поскольку в храме коллегиума слушателями были прежде всего учащиеся, проповеди становились не только демонстрацией совершенного овладения студентом-богословом всей учебной программой, но и фактором дополнительного обучения. Такое содержание проповеди, очевидно, было недоступным для понимания слушателей неподготовленных. Иногда можно установить фамилии студентов богословского класса и проследить их дальнейшие успехи. В том же сборнике Харьковского коллегиума имеется проповедь Никона Карпинского, который впоследствии получил степень доктора медицины в Страсбургском университете. Этот и подобные примеры свидетельствуют об обязательности подготовки предики для всех учащихся, а не только выбирающих церковную стезю.

⁴⁴ Сведения о Переяславско-Полтавской семинарии...: 965.

⁴⁵ ЦДАУК. Ф 990. Оп. 1. Спр. 1446; Ф 1973. Оп. 1. Спр. 2182. Арк 23в.; Спр. 2188. Арк.2.

⁴⁶ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 83.

⁴⁷ Стеллецкий 1895: 528.

⁴⁸ Танков 1897: 830–836.

Наряду с особенностями «школьной» проповеди, обусловленными ее дидактическими задачами, можно заметить и отражение общих тенденций развития жанра. Делая выводы о преобладании светской тематики в проповедях того времени, авторы обращали внимание на политические и военные сюжеты (в частности, упоминания о Северной войне)⁴⁹. Проповеди студентов коллегиума позволяют отметить схожие моменты. Светская тематика «школьной» проповеди часто включала информацию о современных научных достижениях и новых фактах. Со второй половины XVIII в. наблюдается стремление руководства академии и коллегиумов к тому, чтобы в учебном процессе нашли отражение достижения науки Нового времени, что проявилось в расширении программы, увеличении количества предметов за счет «реальных» дисциплин (геометрии, истории, географии), новых языков, в переходе к преподаванию рациональной философии Лейбница-Вольфа⁵⁰. Эти особенности в еще большей степени проявились в проповедях учителей академии и коллегиумов, которые являлись своеобразными учебными образцами.

Сохранившиеся тексты проповедей наставников позволяют судить об «идеале» предики второй половины XVIII в. и достойной подражания стратегии ее составления. Обязанность учителей читать проповеди появилась не с самого возникновения коллегиумов, но к середине XVIII в. сведения о ней стали регулярными. В 1753 г. указ Киевской духовной консистории уже обязывал ректора академии Георгия Конисского просматривать тексты проповедей учителей⁵¹. В ряде указов Киевской консистории зафиксирована обязанность преподавателей произносить проповеди в воскресные дни⁵². В деле учителя аналогии Сампсона Винницкого содержатся его признания, что за полгода он выступил с одной проповедью, которую готовил «немалое время»⁵³. С начала 1760-х в сведениях о служебной карьере преподавателей начали отмечать, произносил ли преподаватель проповеди⁵⁴. Так, епископ Самуил Миславский, давая аттестацию профессору Харьковского коллегиума Лаврентию Кордету, подчеркнул, что он не только старательно преподает богословие, но и к проповедничеству «отличная имеет способности, ревность и прилежность»⁵⁵. Начиная с 1770–1780-х гг. составляли реестры и расписания проповедей (на год или полугодие), которые читали профессора и ученики коллегиумов в воскресные и праздничные дни⁵⁶.

Поиски «идеальной» проповеди осуществлялись руководством академии и коллегиумов путем выявления лучших проповедей и призывом ко всем учителям следовать этому примеру. Так, в 1793 г. после

⁴⁹ Воскресенский 1891: 33–34; Кузьмин 1974: 174–176.

⁵⁰ Посохова 2016: 264–265.

⁵¹ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 89.

⁵² Там же: 262–264.

⁵³ Там же: 258.

⁵⁴ ЦДАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 1101. Арк. 32; Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 236. Арк. 1.

⁵⁵ Посохова 2013: 113.

⁵⁶ ЦДАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 1446; Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 2193.

рассмотрения текстов проповедей учителей Харьковского коллегиума белгородский епископ Феокист Мочульский указал, что преподаватели должны брать пример с Андрея Прокоповича⁵⁷. В 1795 г. за свои проповеди этот профессор получил благодарность от Екатерины II и тогда же впервые было опубликовано его слово⁵⁸. Говоря о проповедях учителей киевский митрополит в 1758 г. подчеркивал, что эти предики должны быть «умеренной долготы» и «слога не высокого, но умеренного»⁵⁹.

Как часто преподаватели читали проповеди в академической (коллегиумной) церкви? Имеются сведения о том, что профессор богословия Лаврентий Кордет за пять лет прочитал почти двести проповедей⁶⁰. В одной из его рукописей 109 проповедей расписаны на весь календарный год и приурочены к воскресным, праздничным и торжественным дням⁶¹. Сборник позволяет, до известной степени, реконструировать «творческую лабораторию» этого интеллектуала. На определенные дни Лаврентий Кордет подбирал темы «слов», к которым подыскивал соответствующие тексты из Священного Писания (и других источников) и продумывал план. В некоторых случаях он подготовил несколько вариантов раскрытия темы и подобрал ряд иллюстративных текстов⁶². Его сохранившиеся бумаги включают как полностью записанные тексты проповедей, так и тезисы. Хотя механизм «производства» церковных ораторских произведений XVIII в. предполагал их фиксацию⁶³, в данном случае оратор не записал их, что может быть свидетельством зарождения импровизационной проповеди, которая получит развитие в XIX в.

Еще рельефнее особенности «школьной» проповеди заметны при сравнении проповедей одного и того же профессора для академической и неакадемической аудиторий. Сохранились проповеди, которые Лаврентий Кордет произнес в Харьковском коллегиуме, и затем в его бытность настоятелем Курского Знаменского монастыря. «Слова», произнесенные в коллегиуме, отличались гораздо более «ученым» содержанием и большим разнообразием тем⁶⁴. Кроме объяснений событий Ветхого и Нового Завета, они трактовали добродетели и пороки, веру и безверие, Божий промысел и воспитание детей. Такие отличия прослеживаются и в проповедях известного киевского оратора Иоанна Леванды⁶⁵, до этого адресовавшего свои слова студентам Киевской академии и Переяславского коллегиума, а также преподавателя Харьковского коллегиума Ан-

⁵⁷ ЦДАУК. Ф. 2009. Оп. 1. Т. 1. Спр. 2545. Арк. 1.

⁵⁸ Прокопович 1795.

⁵⁹ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 264.

⁶⁰ Танков 1897. № 38: 732.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 359 (Колобов). Д. 51.

⁶² Там же. Л. 67об.–68.

⁶³ Матвеев 2009: 35–36.

⁶⁴ Танков 1897: 753. Учебный характер проповедей преподавателей проявлялся и в иных формах. Так, преподаватель Василий Снисарев проповедовал в Харьковском коллегиуме на греческом языке (Романовский 1861: 16). Это делалось для того, чтобы учащиеся улучшили владение этим языком.

⁶⁵ Леванда 1821.

дрея Прокоповича, проповедовавшего также для горожан в Успенском соборе⁶⁶. Содержание и форма проповедей, рассчитанных на широкую аудиторию, отличались большей простотой и общедоступностью.

Проповеднические слова преподавателей коллегиумов XVIII в. свидетельствуют о том, как универсальный аппарат школьной риторики становился инструментарием, обеспечивающим гибкость и культурный конформизм. Нередко в проповедь включались элементы анализа и современных автору политических событий. Например, Лаврентий Кордет неоднократно упоминал современные политические события (победы русской армии над турецкими войсками, анализировал преимущества, которые открывал доступ к Черному морю, «польские дела»)⁶⁷.

Дидактические советы по составлению проповедей и содержание предик профессоров свидетельствуют о том, что их авторы учитывали и социокультурную ситуацию, и учили этому своих студентов. В течение всего XVIII века на украинских территориях сохранялся тип социума межкультурного пограничья, который требовал от проповедника учета поликонфессиональности окружавшего их мира, и, в связи с этим, овладения адекватными коммуникативными стратегиями, умением лавировать между конфессиональным и политическим⁶⁸.

На основе реконструкции порядка и приемов преподавания проповеди в Киево-Могилянской академии, Черниговском, Харьковском, Переяславском коллегиумах в XVIII в. можно утверждать, что возникновение и специфика «школьной» проповеди была обусловлена именно дидактическими задачами. В этих учебных заведениях сложились условия для достаточно ранней «специализации» обучения проповеди. При этом в «школьной» проповеди прослеживаются общие тенденции развития этого жанра, роднящие ее с другими типами проповеди, а также общие признаки влияния науки Нового времени. Во второй половине XVIII в. на высшей ступени обучения, в богословском классе, в котором сосредоточилось специальное теологическое образование, происходит выработка новых подходов к обучению составлению проповеди, поиск соответствующих дидактических форм.

Названные явления позволяют говорить об изменении дисциплинарного статуса гомилетики в общем курсе обучения в православных академиях и коллегиумах, формировании проповеди как особой формы специально-богословского научного дискурса, о выходе на новый уровень профессионализации в процессе подготовки студентов-богословов к будущей проповеднической деятельности⁶⁹. Киево-Могилянская академия, Черниговский, Харьковский и Переяславский коллегиумы являли собой подобие доклассического университета (с богословским фа-

⁶⁶ Прокопович 1803.

⁶⁷ Танков 1897: 761–764; 776.

⁶⁸ Frick 1997: 149; Кагарлицкий 2000: 244–245; Корзо 2009: 81.

⁶⁹ Не случайно в «Инструкции» 1769 года Самуил Миславский назвал богословский класс «богословским факультетом». — Лебедев 1886: 63.

культетом). К слову, во второй половине XVIII в. предложения преобразовать эти учебные заведения в полноценный университет неоднократно звучали, в т.ч. это были и разнообразные «местные» проекты⁷⁰.

В начале XIX в. в ходе создания системы образования в Российской империи эти учебные заведения были превращены в сословно-профессиональные уч-реждения, в которых получали образование будущие священнослужители. Именно с духовными академиями Российской империи XIX в. связывают зрелые формы специально-богословского научного дискурса и формирование ряда специализированных дискурсивных практик. При этом эволюция «школьной» проповеди в стенах Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегиумов во второй половине XVIII века стала важной вехой на пути выработки технологии достаточно массовой подготовки проповедников уже в XIX в.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Відділ книжкових пам'яток, цінних видань і рукописів Центральної наукової бібліотеки Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна (ВР ЦНБ ХНУ). Збір. Рукописів. Спр. 177/с 136.
Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка Національної академії наук України (ВР ІЛ). Ф. 20. Спр. 13.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 359 (Колобов). Д. 51. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 67. Д. 572.
Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДАУК). Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 236; Спр. 1265; Спр. 2182; Спр. 2188; Спр. 2193.
ЦДАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 848; Спр. 1101; Спр. 1446.
ЦДАУК. Ф. 2009. Оп. 1. Т. 1. Спр. 2545.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II (1721–1795). Т. 2 (1751–1762 гг.); Т. 3. Царствование Екатерины II (1762–1796 гг.). Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1905–1906. 533+574 с. [Akty i dokumenty, odnosiaschchiesia k istorii Kievskoi akademii, otd. II (1721–1795). Т. 2 (1751–1762 gg.); Т. 3. Tsarstvovanie Ekateriny II (1762–1796 gg.). Kiev: Tip. I.I. Chokolova, 1905–1906. 533+574 s.]
- Барсов Н. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия: Материалы для истории русского проповедничества // Христианское чтение. 1874. № 2. С. 247–286. [Barsov N. Maloizvestnye russkie propovedniki XVIII stoletia: Materialy dlia istorii russkogo propovednichestva // Khristianskoe chtenie. 1874. № 2. S. 247–286.]
- Боссюэ Ж.Б. Иакова Бенigna Боссюэта Разговор о всеобщей истории. Т. 1. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761–1762. Ч. 1–3. [Bossiue Zh.B. Iakova Benigna Bossiueeta Razgovor o vseobshchei istorii. Т. 1. М.: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1761–1762. Ch. 1–3.]
- Броджі Беркофф Д. Барокова гомілетика у східнослов'янському культурному просторі // Contributi italiani al XIV congresso internazionale degli Slavisti. Firenze, 2008. P. 179–200. [Brodzhi Berkoff D. Barokova gomiletyka u shidnoslov'ians'komu kul'turnomu prostori // Contributi italiani al XIV congresso internazionale degli Slavisti. Firenze, 2008. P. 179–200].
- Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII ст. // Труды Киевской духовной академии. 1902. № 10. С. 208–257 [Vishnevskii D. Kievskaiia akademiia v pervoi polovine XVIII stoletia // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1902. № 10. S. 208–257].
- Воскресенский Г.А. Придворная и академическая проповедь в России полтора века лет назад // Духополезное чтение. 1891. № 1. С. 18–35 [Voskresenskij G.A. Pridvornaja i akade-micheskaja propoved' v Rossii poltorasta let nazad // Dushepoleznoe chtenie. 1891. № 1. S. 18–35].
- [Массийон Ж.Б.]. Дух Массильюна, епископа клермонского, или Мысли избранныя из его творений, о различных предметах нравственности и благочестия. М.: В Сино-

⁷⁰ Посохова 2010: 110–111; Яременко 2014: 213–221.

- дальної тип., 1808. 291 с. [Massion Zh. B.]. *Dukh Massil'iona, episkopa klermonskaго, ili Mysli izbrannyya iz ego tvoreniy, o razlichnykh predmetakh нравstvennosti i blagochestia*. Moskva: V Sinodal'noi tipografii, 1808. 291 s.]
- Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Тип. имп. ун-та, 1881. 806 с. [Znamenskii P. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda*. Kazan': Tip. imp. un-ta, 1881. 806 s.]
- Зубов В.Н. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с. [Zubov V.N. *Russkie propovedniki. Ocherki po istorii russkoi propovedi*. Moskva: Editorial URSS, 2001. 232 s.]
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с. [Zhivov V.M. *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. 591 s.]
- Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Москва: Унив. тип., 1802. 442 с. [Izmailov V. *Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu*. V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmailovym. Moskva: Univ. tip., 1802. 442 s.]
- Ісиченко І. Риторика і барокове проповідництво у шкільній культурі Києва XVII ст. // Київська Академія. 2006. № 2–3. С. 32–39. [Isichenko I. *Rytoryka i barokove propovidnyctvo u shkil'niy kul'turi Kyjeva XVII st.* // *Kyi'vs'ka Akademiya*. 2006. № 2–3. S. 32–39.]
- Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва, 2000. С. 243–258. [Kagarlitskii Yu.V. *Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnoi i intelektual'noi kul'tury XVIII v.* // *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoria russkogo iazyka*. Moskva, 2000. S. 243–258.]
- Корзо М.А. Внешняя традиция как источник вдохновения. К вопросу об авторстве киевских и московских православных текстов XVII в. Два примера // *Studi Slavistici*. 2009. No. 6. P. 59–84. [Korzo M.A. *Vneshniaia traditsiia kak istochnik vdokhnoveniia*. K voprosu ob avtorstve kievskikh i moskovskikh pravoslavnykh tekstov XVII v. Dva primera // *Studi Slavistici*. 2009. No. 6. P. 59–84.]
- Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. Москва: ИФРАН, 1999. 186 с. [Korzo M.A. *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka*. Moskva: IFRAN, 1999. 186 s.]
- Красоты духовного красноречия, почерпнутые из Боссюэта, Феленора, Массильона, Бурдалу, Флешье, Бове и других знаменитых проповедников, переведенные под руководством Сергея Глинки А. Амазовым, М.: тип. Августа Семена, 1828. 204 с. [Krasoty dukhovnogo krasnorechiia, pocherpnuty iz Bossiuet, Fenelona, Massil'ona, Burdalu, Flesh'e, Bove i drugih znamenitykh propovednikov, perevedennye pod rukovodstvom Sergeia Glinki A. Amatovym, Moskva: tip. Avgusta Semena, 1828. 204 s.]
- Кузьмин А.И. Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития России в первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 168–183. [Kuz'min A.I. *Voennaia tema v literature petrovskogo vremeni* // XVIII vek. Sb. 9: *Problemy literaturnogo razvitiia Rossii v pervoi treti XVIII veka*. L., 1974. S. 168–183.]
- Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академ. проект, 2001. 368 с. [Lakhmann R. *Demontazh krasnorechiia*. Ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo. SPb.: Akadem. projekt, 2001. 368 s.]
- Лебедев А.С. Харьковский коллегиум как просветительский центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета. М.: Университет. тип, 1886. 103 с. [Lebedev A.S. *Khar'kovskii kollegium kak prosvetitel'skii tsentr Slobodskoi Ukrainy do uchrezhdeniia v Khar'kove universiteta*. Moskva: Universitet. tip, 1886. 103 s.]
- Леванда І.В. Слова і речі Іоанна Леванди, протоієрея Києво-Софійського собору. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Театров, 1821. 334 с. [Levanda I.V. *Slova i rechi Ioanna Levandy, protoiereia Kiev-Sofijskogo sobora*. Ch. 1. SPb.: Tip. Imp. Teatrov, 1821. 334 s.]
- Маслюк В.П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ: Наук. думка, 1983. 234 с. [Masljuk V.P. *Latynomovni poetyky i rytoryky XVII – pershoi polovyny XVIII st. ta i'h rol' u rozvytku teorii literatury na Ukraini*. Kyi'v: Nauk. dumka, 1983. 234 s.]
- Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе. СПб.: СПбГУ, 2009. 138 с. [Matveev E.M. *Russkaia oratorskaia proza sere diny XVIII v.* (Panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature. SPb.: SPbGU, 2009. 138 s.)
- Матушек О.Ю. Проповіді Лазаря Барановича в дискурсі українського Бароко. Харків: Майдан, 2013. 359 с. [Matushek O.Ju. *Propovidi Lazarja Baranovycha v dyskursi ukrai'n-s'kogo Baroko*. Harkiv: Majdan, 2013. 359 s.]

- Петров Н.И. Из истории гомилетики в старой Киевской Академии // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 1. С. 86–124. [Petrov N.I. Iz istorii gomileтики v staroi Kievskoi Akademii // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1866. № 1. S. 86–124.]
- Посохова Л.Ю. Православные коллегииумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016. [Posokhova L.Iu. Pravoslavnye Kollegiumy na perechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII – nachalo XIX v.). Moscow, 2016, 550 p.]
- Посохова Л.Ю. Православные коллегииумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 85–112. [Posokhova L.Iu. Pravoslavnye Kollegiumy Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XVIII – nachalo XIX vv.): mezhdru traditsiiami i novatsiiami // Ab Imperio. 2010. № 3. S. 85–112.]
- Посохова Л.Ю. Речи та час ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета // Київська Академія. 2013. № 11. С. 109–136. [Posokhova L.Iu. Rechii ta chas rektora Harkivskogo Kollegiumu Lavrentiia Kordeta // Kyt'vs'ka Akademija. 2013. № 11. S. 109–136.]
- Преосвященный Самуил, епископ Белгородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 5. С. 90–100 [Preosviashchennyi Samuil, episkop Belgorodskii. Ego pis'ma k arkhimandritu Lavrentiiu (1770–1774) // Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naia. 1888. № 5. S. 90–100].
- Прокопович А.С. Поучительные слова. М.: Синод. тип., 1803. 457 с. [Prokopovich A.S. Pouchitel'nye slova. Moskva: Sinod. tip., 1803. 457 s.]
- Прокопович А.С. Слово на день коронования ее императорского величества благочестивейшая великая государыня императрицы Екатерины Вторяя. СПб.: В тип. Святейшего Синода, 1795. 12 с. [Prokopovich A.S. Slovo na den' koronovanija ee imperatorskogo velichestva blagochestivejsijsha velikija gosudaryni imperatricy Ekateriny Vtoryja. Sankt-Peterburg: V tip. Svjatejshego Sinoda, 1795. 12 s.]
- Романовский Н. Протоиерей Василий Иоаннович Снисарев // Странник. 1861. Т. 1. № 1. С. 11–34 [Romanovskii N. Protoierei Vasilii Ioannovich Snisarev // Strannik. 1861. T. 1. № 1. S. 11–34].
- Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко. М.: Наука, 1991. 261 с. [Sazonova L.I. Poeziia russkogo barokko. Moskva: Nauka, 1991. 261 s.]
- Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М.: Univ. тип., 1844. 230 с. [Samarin Iu.F. Stefan Iavorskii i Feofan Prokopovich kak propovedniki. Moskva: Univ. tip., 1844. 230 s.]
- Сведения о Переяславско-Полтавской семинарии за время от 1798 по 1818 г., извлеченные из дел архива Полтавской духовной консистории // Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1887. № 24. С. 949–970 [Svedeniia o Pereiaslavsko-Poltavskoi seminarii ot 1798 po 1818 g., izvlechennye iz del arkhiva Poltavskoi dukhovnoi konsistorii // Poltavskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naia. 1887. № 24. S. 949–970].
- Стеллецкий Н. Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 году // Вера и Разум. 1895. Т. 1. Ч. 2. С. 507–536. [Stelletsckii N. Khar'kovskii Kollegium do preobrazovaniia ego v 1817 godu // Vera i Razum. 1895. T. 1. Ch. 2. S. 507–536].
- Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наук. думка, 1982. 346 с. [Stratii Ia.M., Litvinov V.D., Andrushko V.A. Opisanie kursov filosofii i ritoriki professorov Kievno-Mogilianskoi akademii. Kiev: Nauk. dumka, 1982. 346 s.]
- Суториус К.В. Нравственное богословие в Киево-Могилянской академии по материалам рукописных источников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 5–28 [Sutorius K.V. Nravstvennoe bogoslovie v Kievno-Mogilianskoi akademii po materialam rukopisnykh istochnikov. Vestnik of Saint-Petersburg University. History, 2018, iss. 1, pp. 5–28].
- Танков А. Проповедное слово в Белгородской епархии в XVIII веке // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 38. С. 732–736; № 39. С. 753–764; № 40. С. 776–784; № 42. С. 830–838. [Tankov A. Propovednoe slovo v Belgorodskoj eparii v XVIII veke // Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neoficial'naja. 1897. № 38. S. 732–736; № 39. S. 753–764; № 40. S. 776–784; № 42. S. 830–838].
- Терновский Ф.А. Южно-русское проповедничество XVI и XVII вв. (По латино-польским образцам). Киев: тип. И.А. Давиденко, 1869. 80 с. [Ternovskii F.A. Iuzhno-russkoe propovednichestvo XVI i XVII vv. (Po latino-pol'skim obraztsam). Kiev, 1869. 80 s.]

- Ткачук М. Філософські курси Києво-Могилянської академії в контексті європейського схоластичного дискурсу // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: Європейський контекст. Київ: КМ Академія, 2002. С. 39–66 [Tkachuk M. *Filosofski kursy Kyjevo-Mogylyans'koi akademii* v konteksti jevropejs'kogo sholastynogo dyskursu // *Religijno-filosofs'ka dumka v Kyjevo-Mogylyans'kij akademii*: Jevropejs'kyj kontekst. Kyi'v: KМ Akademija, 2002. S. 39–66].
- Федотова М.А. Украинские проповеди Дмитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция // Труды Отдела древнерусской литературы. 2001. Т. 52. С. 409–431. [Fedotova M.A. *Ukrainskie propovedi Dimitriia Rostovskogo (1670–1700 gg.) i ikh rukopisnaia traditsiia* // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 2001. T. 52. S. 409–431.]
- Феокист (Мочульський). Логика и риторика для дворян. М., 1789. 70 с. [Feoktist (Mochul'skii). *Logika i ritorika dlia dvorian*. Moskva: [Tip. Ponomareva], 1789. 70 s.]
- Яковенко Н. У пошуках Нового неба: Життя і тексти Йоанія Галіатовського. Київ: Критика, Laurus, 2017. 704 с. [Jakovenko N. *U poshukah Novogo neba: Zhyttja i teksty Joanykija Galjatos'kogo*. Kyi'v: Krytyka, Laurus, 2017. 704 p.]
- Яременко М. «Академіки» та Академія. Соціальна історія освіти й освіченості в Україні XVIII ст. Харків: Акта, 2014. 534 с. [Iaremenko M. «Akademiky» ta Akademiia. *Sotsial'na istoriia osvity i osvichenosti v Ukraini XVIII st.* Kharkiv, Akta, 2014, 534 s.]
- Frick D.A. Misrepresentations, misunderstandings, and silences (Problems of seventeenth-century Ruthenian and Muscovite cultural history) // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. DeKalb (Illinois), 1997. P. 149–168.
- Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // *Slověne* = Словѣне. *International Journal of Slavic Studies*. 2014. Vol. 3. No 2. P. 175–193.
- Parnohl K.A. Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737–1812): The Enlightened Prelate, Scholar and Educator. Newtonville (Mass.): Oriental Research Partners, 1983. 143 p.
- Shevelov G.Y. Two Orthodox Ukrainian Churchmen of the early eighteenth century: Teofan Prokopovych and Stefan Iavors'kyi. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Ukrainian studies fund, 1985. 62 p.
- Ševčenko I. The many worlds of Peter Mohyla // *Harvard Ukrainian Studies. The Kiev Mohyla Academy*. 1984. Vol. 8. No. 1/2. P. 9–44.
- Sysin F. Peter Mohyla and the Kiev Academy in Recent Western Works: Divergent view on seventeenth century Ukrainian culture // *Harvard Ukrainian Studies. The Kiev Mohyla Academy*. 1984. Vol. 8. No. 1/2. P. 155–187.
- Sharipova L. Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780. Manchester: Manchester University Press, 2006. 259 p.
- Wirtschafter E.K. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia. DeKalb (Ill.): Northern Illinois University Press, 2013. 193 p.

Людмила Юрьевна Посохова, доктор исторических наук, профессор, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина); lposokhova@karazin.ua

The art of preaching: teaching practices at the Kiev-Mohyla Academy and Orthodox colleges in the second half of the 18th century

The article is devoted to the study of the place of preaching in the educational process at the Kiev-Mohyla Academy, Chernihiv, Kharkov and Pereyaslav colleges in the second half of the 18th century. The author sets the task to analyze the "school" sermon as a phenomenon, to reconstruct the content and teaching methods of sermonizing. The author concludes that the specifics of the "school" sermon is caused by its didactic character. A striking feature of the "school" sermon at the Kiev-Mohyla Academy and Orthodox colleges during this period was the presence of the influence of modern science in it. The development of the "school" sermon was an important milestone on the way to developing a methodology for the "mass" training of preachers in the Russian Empire.

Keywords: sermon, homiletics, theology, spiritual education, 18th-century Russian Empire, Kiev-Mohyla Academy, Orthodox colleges

Posokhova Liudmyla Yuriivna, Dr. Sc. (History), Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; lposokhova@karazin.ua